

ВЕРА ЗУБАРЕВА

ПО КОМ ГУДЯТ СУДА...

Памяти Евгения Голубовского

*Я знаю: порт приписки лайнера «Вера Зубарева» – это Одесса.
Е. Голубовский*

Всемирные одесские друзья...
Забросило нас в разные края
По вертикали и горизонтали
Земной и занебесной дали.

Как много моря утекло с тех пор!
Но так же мы ведём наш разговор
На языке хоть разном, но едином,
И на всеобщий не переводимом.

Нас не разбить, и не построить в ряд.
Не догмы нас, а улицы роднят
И лозы виноградные, что льются
С балконов, оплетая всё подряд.

Покуда выются – старый дворик жив.
Всё остальное – это строй души.
И по нему узнали мы друг друга,
И по нему друг к другу мы пришли.

У нас своя волна и частота.
Там и про то, по ком гудят суда,
И кто пришёл, кто навсегда остался,
И кто ушёл, оставшись навсегда...

Вход с улицы, и затуханье вечера,
Шум голосов...
И думаешь: ну что здесь вечного?
Да всё, да всё –
Что помнилось и что забылось вроде бы,
Сверкнув на миг,
И перемены в море, в Городе,
И в нас самих,
И тот маяк, с историей повенчанной,
Аэродром,
На тротуаре, как сосуды, трещины,
Письмо домой, что так и не отвечено,
И поиски ответов под пером...

И двор во тьме, и неизвестно,
Откуда лестница растёт,
И коль заснёшь под скрип древесный,
То видишь сны про пароход.

По палубе съезжают звёзды
Под взлётами волны лихой,
И пароходу ох не просто,
И капитану нелегко.

И только ты ему в подспорье,
И дом-корабль тобою жив.
А лестница растёт из моря.
А море – из твоей души.

Где за морем солнце зашло,
Прошлое звезду разожгло.

Свет имён зажгли корабли,
Вспомнив, как их встарь нарекли.

И тревоги прежних недель
Отступили, сели на мель.

И сигналил Города знак –
Верный Воронцовский маяк.

*Одесса – архетип Города.
Марина Кудимова*

Куда судьба ни заносила нас!
В Италию (родился Дерибас),
Во Францию (Дюк Ришелье, и там же –
Великолепный Ланжерон. Не путать с пляжем!),
В Германию и Австрию (как в Вене,
Наш оперный скроили Гельмер-Фельнер,
Но получилось во сто крат роскошней),
И в Грецию, и в Турцию, и в Польшу...
И что открыли эти переезды?
Вся карта мира – справочник Одессы.

...А когда наступает вечер,
Прибывают к морям берега,
Подключается память-диспетчер,
Отправляется сон в беге.

Сквозь ночного тумана завесу
Брежит парусник-пилигрим.
Все дороги ведут в Одессу,
Что бы там не рассказывал Рим...

Кто шёл, внимая Аарону,
Что был Моисеев микрофон,
А я иду по Ланжерону
Который год, который сон.

Песок, прохлада, путь размечен,
Причалил к берегу баркас.
И неизменно место встречи
У двух шаров в рассветный час.

Мне память – шкипер. Вместе с нею
До цели, кажется, чуть-чуть.
Но путь во времени длиннее
И горше, чем в пространстве путь.

Поёт в прибое ночь слепая,
К парам ведёт по слуху сон.
И лишь рассвет не наступает.
Не наступает, вот и всё...

*Я жил тогда в Одессе пыльной...
А.С. Пушкин*

Он был тогда с собой в разлуке,
И разлезалась жизнь по швам,
И он мечтал о Петербурге,
И снег не шёл, и карта шла,
Кареты хлюпали по грязи,
Сводила оттепель с ума,
И лишь в театре по заказу
Стояла снежная зима.
Как будто дело было в снеге...
Томил и город, и причал,
И он немного был Онегин,
Немного Ленский и скучал.
Всё было чуждо – разноречье
И моря Чёрного разгул.
И он мечтал о Чёрной речке
На том скалистом берегу.

*Я первый в мире лоцман, который ввёл в порт судно, сидя на его трубе! –
воскликнул Ким Зиновьевич Беленкович,
оцман Одесского морского порта. И это была суцая правда.
П. Ляндрес, «Лоцман на трубе»*

Памяти отца

И впрямь, ну что это за море –
Пляж с зонтиком над головой –
Для тех, кто часть его истории
Десятибалльной, штормовой!

В него отцы ныряли полночью,
Когда все судьбы на кону,
Когда и шторм взывал о помощи,
Когда и звёзды шли ко дну,

Когда гудели в периодике
О затонувшем корабле,
Когда отец стоял на мостике,
Приваренном к его трубе.

Всех в мире мостиков был выше он
И ближе к звёздам и судьбе.
И лоцман, как скрипач на крыше,
Исполнил соло на трубе.

Порт переполнен был по поводу
Дня окончания невзгод,
И лоцман продвигался к Городу
И выводил корабль из вод,

И думал: к чёрту окоlesiца!
Что натиск штормовых атак,
Коль есть Потёмкинская лестница
И светоч Города – маяк?..

Вот и вечер. Улица остыла.
А была с утра ещё тепла:
Кот готовил нападение с тыла,
Карауля птиц из-за угла,
Дуло с моря, открывались окна,
Дом звенел рапирами лучей,
Дворника всевидящее око
Проницало бранный мир вещей,
Возвращался день, отец с дежурства,
Будто детство дало задний ход,
И шептала комната: зажмурься,
Ну ещё немного – и войдёт...

ПРИТЧА

Наступили тёмные времена.
За окном – непроглядней морского дна.
Во дворах залегла тишина.

...И отец возвратился
Из дальних морей.
С ним причалило прошлое, встало на рейд
И зажгло луну во дворе.

И дивились в соседних дворах – как светло!
И всю ночь восклицали – вот повезло!
А к утру у всех рассвело.

И дворы убедились:
Никаких чудес.
Просто в каждый вернулся отец.

Храни моих друзей,
Что с каждым днём ранимей!
Февраль по всей земле,
Безудержна зима,
Дорогу занесло...
И встретиться ли с ними,
Когда сирены выюг
И в мире кутерьма?

Лёд ветки по стеклу
Стучит в моё зазимье.
Что ветка без ствола?
И ствол что без корней?
Что корни без земли?
И что земля, коль имя
За пахотным трудом
Так и не дали ей?

Что Слово, если слух
Ещё не пробудился?
А всё вокруг в огнях,
Всё в звёздах, всё в цвету,
И день шестой грядёт
Из глиняной темницы...
Но наберёт ли смысл,
И дух, и высоту?

Поёт метель псалмы,
И на сугробе риза,
И ели ледяной
Качается собор.

...А в день шестой был снег,
И снеговик лепился
Из облачной мечты.
И лепится с тех пор...

Если что, буду жить в Таганроге,
По утрам ходить на Азов,
Где ветра ураганят с дороги
И заводят песни без слов,
И внимать им, друзьям по кочевью,
И смотреть, как резвится вода,
Или с чайкой плыть по теченью,
А теченье знает, куда.
И быть может, где в вечном дозоре
Корабли охраняют восход,
Вдруг привидится Чёрное море
На границе небес и вод...